

ЕСЕНИН В ВОСПРИЯТИИ ШУКШИНА

Лидия Николаевна Федосеева-Шукшина вспоминала: «Есенин — любимый поэт, он (Шукшин. — А. К.) его наилучше знал, и пел, и читал, но публично он не выступал, любил дома на кухоньке почитать, книжечку раскрыть и посидеть. Очень любил. Та же мятущаяся душа, та же деревня, та же мать-старушка». Характерно, что Шукшин словно бы прячет свою любовь к Есенину, читает его стихи дома, да еще и «на кухоньке». Причина тому, вероятно, в крайне неоднозначной репутации поэта. Шукшин прекрасно осознавал, что его любовь к Есенину способна у столичных интеллектуалов вызвать лишь ироническую усмешку, поэтому лучше «публично не выступать», а «дома на кухоньке почитать».

Пожалуй, в наиболее концентрированном виде неприязнь к Есенину проявилась в «Злых заметках» Н. Бухарина, опубликованных в газете «Правда» всего лишь через год с небольшим после самоубийства поэта: «...есенинщина — это самое вредное, заслуживающее настоящего бичевания явление нашего литературного дня. <...>Идейно Есенин представляет самые отрицательные черты русской деревни и так называемого “национального характера”: мордобой, внутреннюю величайшую недисциплинированность, обожествление самых отсталых форм общественной жизни вообще. <...> есенинщина — это отвратительная,

¹ Александр Иванович Куляпин родился в 1958 году в городе Ленинске-Кузнецком Кемеровской области. Окончил филологический факультет Алтайского государственного университета. Доктор филологических наук, профессор. Автор более 150 научных публикаций, в том числе нескольких монографий. Живет в Барнауле.

напудренная и нагло раскрашенная российская матерщина, обильно смоченная пьяными слезами и оттого еще более гнусная. Причудливая смесь из “кобелей”, икон, “сисястых баб”, “жарких свечей”, березок, луны, сук, господ бога, некрофилии, обильных пьяных слез и “трагической” пьяной икоты; религии и хулиганства, “любви” к животным и варварского отношения к человеку, в особенности к женщине, бессильных потуг на “широкий размах” (в очень узких четырех стенах ординарного кабака), распущенности, поднятой до “принципиальной” высоты, и т. д.; все это под колпаком юродствующего quasi-народного национализма — вот что такое есенинщина».

Есенин и его поэзия нередко становились объектом язвительного пародирования. В. Катаев в рассказе «Емельян Чернозёмный» (1927) кощунственно посмеялся даже над трагической смертью поэта:

*Эх, сглодал меня, парня, город!
Не увижу родного месяца!
Распахну я пошире ворот,
Чтоб способнее было повеситься!*

Позже, в романе-хронике «Время, вперед!» (1932) Катаев наделяет узнаваемыми есенинскими чертами самого непривлекательного персонажа Николая Саенко — лодыря, пьяницу, картежника и... поэта. Стихи Саенко, конечно, нелепые, но вполне «есенинские»:

*Закопали мать мою, старушку
Мой папаша без вины пропал...
Дайте мне, товарищи, большую кружку,
Дайте мне скорей запить печаль!..*

*Эх, был я мальчик с синими кудрями,
На строительство попал.
Сиротой остался бездомным,
Без вины, товарищи, пропал!*

Катаевский Саенко враждебен новому миру, потому что он сын кулака. Есенина рапповцы, как известно, объявили «знаменем кулацкой контрреволюции». Его поэзия, выразившая «отчаяние побежденной деревни» (Иван Розанов), редко вызывала в советское время сочувствие.

На восприятие Есенина в отечественной культуре повлияло еще одно обстоятельство — его невероятная популярность в воровской среде.

В книге просидевшего в сталинских лагерях целых семнадцать лет Варлама Шаламова «Очерки преступного мира» (1959) есть глава «Сергей Есенин и воровской мир», где автор пытается ответить на вопрос: *чем же Есенин близок душе блатаря?* «*Настроения поэзии Есенина в некоторой своей части с удивительно угаданной верностью совпадают с понятиями блатного мира, — отмечает Шаламов. — Именно этим и объясняется большая, особая популярность поэта среди воров.<...> Уже в то время — всего три года после смерти поэта — популярность его в блатных кругах была очень велика. Это был единственный поэт, “принятый” и “освященный” блатными, которые вовсе не жалуют стихов. Позднее блатные сделали его “классиком” — отзываться о нем с уважением стало хорошим тоном среди воров.*».

Шукшин, конечно, знал об этой специфической стороне славы Есенина. Дважды — в повести «Там, вдали» (1966) и во второй книге романа «Любавины» — он наглядно показал, какой пошлостью оборачивается восприятие Есенина как поэта блатного мира. Герой романа (и повести) Петр Ивлев невольно соприкасается с воровским сообществом на собственной свадьбе. Позже выяснится, что друзья его невесты Марии (в повести «Там, вдали» героиню зовут Ольга) и сама Мария занимаются кражами и спекуляцией. Петра публично унижают, потребовав спеть:

«— Давай! Э-э!.. Жених споет! Урра-а!.. Хэх... <...>

Кто-то насмешливо продекламировал:

*Вот моя дярёвня,
Вот мой дом родной...*

— Да ти-ха! — опять закричал Шкуруний. — Просим жениха! Когда заорали, Ивлев заметно побледнел и, стиснув зубы, сидел и смотрел на всех нехорошими, злыми глазами.

— Жени-их!.. — стонала своенравная свадьба.

Мария посмотрела на Ивлева, подошла к нему, положила на плечо горячую руку, сказала негромко и требовательно:

— Спой, Петя.

Человек с вылинявшими глазами пробрался к ним, облапал Ивлева сзади и, обдавая горячим перегаром, заговорил в ухо:

— Есенина знаешь? Спой Есенина, а! — И крикнул всем: — Сейчас Есенина, вы! — Его не услышали.

Ивлев сшиб со своего плеча тяжелую руку краснолицего, встал и вышел на улицу».

Есенин — это либо «длярёвня», ничего, кроме насмешки, не вызывающая, либо «свой» поэт воровского мира. К настоящему Есенину ни то ни другое, разумеется, не имеет отношения. В беседе с корреспондентом «Правды» в 1974 году Шукшин скажет: «Не подделывать же, например, грусть, тревогу и чистоту есенинского стиха, можно только на короткое время нажить нравственный капитал художника, но еще при жизни на стол лягут векселя, которые не оплатить». Грязь блатного мира к «чистоте есенинского стиха» не пристает, убежден Шукшин.

Самое, может быть, поразительное то, что между восприятием Есенина в воровской среде и среди интеллектуалов разница не так уж и существенна.

В «Романе без вранья» (1927) Анатолия Мариенгофа Есенин уверяет приятеля, что совсем не его поэзия была интересна петербургской художественной элите: «...Таскали меня недели три по салонам — похабные частушки распевать под тальянку. Для виду спервоначалу стишки попросят. Прочту два-три — в кулак прячут позевотину, а вот похабщину хоть всю ночь зажаривай... Ух, уж и ненавижу я всех этих Сологубов с Гиппиусами!»

Шукшину такое знакомо не понаслышке. В миниатюре «Куплеты» из цикла «Выдуманнные рассказы» он вспоминал: «Как я ходил к бабке Шукшихе (года 4 было) и пел матерные частушки —

чтоб покормили». Это травмирующее воспоминание отзовется в повести-сказке «До третьих петухов» (1974), где Иван-дурак по замыслу Мудреца должен развеселить Алку Несмеяну и ее «звереющую от скуки» компанию как раз похабными частушками:

«Принесли балалайку.

Иван взял ее. Потренькал, потинькал — подстроил... Вышел за дверь... И вдруг влетел в комнату — чуть не со свистом и с гиканьем — с частушкой:

Эх, милка моя,

Шевелилка моя,

Сама ходит-шевелит...»

Подлинное отношение Шукшина к Есенину проявилось в одной из рабочих записей, где он представил русских классиков как членов одной семьи:

«Патриарх литературы русской — Лев Толстой. Это — Казбек, или что там? — самое высокое. В общем, отец. Пушкин — сын, Лермонтов — внучек, Белинский, Некрасов, Добролюбов, Чернышевский — племянники. Есенин — незаконнорожденный сын. Все, что дальше, — воришки, которые залезли в графский сад за яблоками. Их поймали, высекли, и они стали петь в хоре — на клиросе.

Достоевский и Чехов — мелкопоместные, достаточно самолюбивые соседи».

Толстой для Шукшина стоит на недосягаемой высоте. И только ступенькой ниже — Пушкин и Есенин. Однако, если Пушкин — сын признанный, то Есенин — незаконнорожденный. Это, видимо, можно истолковать как намек на маргинальный статус Есенина в истории русской литературы. Тем не менее, в шукшинской иерархии Есенин — все же фигура, равновеликая Пушкину.

Многие считают, что поэзия Есенина излишне чувствительна и совсем лишена мысли. Так, Анна Ахматова, которая Есенина явно недолюбливала, выразилась однозначно: *«Пошлость. Ни одной мысли не видно...»*

Примерно так же судит о Есенине эпизодический персонаж киноповести Шукшина «Печки-лавочки»:

«Молоденький офицерик, от которого вкусно пахнет маминым молоком, говорит миловидной соседке по купе:

— Все это хорошо, но это — сплошная чувствительность. Мы сегодня — не те.

— Но это же прекрасно, — неуверенно сказала соседка. И прочитала: —

Будто я весенней гулкой ранью

Проскакал на розовом коне.

— Не мужские стихи, — проговорил жестокий лейтенант. — Розовый конь... — это не из двадцатого века. Согласитесь.

Как тут не согласиться!»

При этом другой герой киноповести — профессор-филолог Степанов, к которому доверия, конечно же, больше, оценивает поэзию Есенина очень высоко, ставит ее рядом с лермонтовской:

«Профессор весело посмотрел на девушку с физмата.

— Милая, он вам самой не нравится.

— Почему? — растерялась девушка.

— Потому что вам нравится Лермонтов, Есенин...

— Одно другому не мешает.

— О, еще как!»

Фильмам и рассказам Шукшина критики тоже слишком часто отказывали в интеллектуальности и философичности, может быть, поэтому ему важно подчеркнуть, что Есенин — это вовсе не «сплошная чувствительность».

Как вспоминает Ольга Румянцева, Шукшин был потрясен голосом Есенина, читавшего монолог Хлопуши из поэмы «Емельян Пугачёв»: *«Когда Есенин кончил читать, Шукшин сел и заплакал. <...>Только уходя, вдруг выпрямился, сверкнул глазами и весело, даже лихо, сказал: “Чернь его любит за буйство и удаль!” Помолчал и, отвечая каким-то своим мыслям, добавил: “И за ум — тоже!” И улыбнувшись, ушел».* Шукшинское уточнение «И за ум — тоже», безусловно, относится не только к Пугачеву, но и к Есенину.

Самая, наверно, знаменитая отсылка к поэзии Есенина содержится в рассказе Шукшина «Верую!» (1971):

«И поп загудел про клен заледенелый, да так грустно и умно как-то загудел, что и правда — защемило в груди. На словах “ах, и сам я нынче чтой-то стал нестойкий” поп ударил кулаком в столешницу и заплакал и затряс гривой.

— Милый, милый!.. Любил крестьянина!.. Жалел! Милый!.. А я тебя люблю. Справедливо? Справедливо. Поздно? Поздно...»

Поэзия Есенина заряжена такой эмоциональной силой, что действительно способна вызвать слезы. Плачет, слушая монолог Хлопуши, Шукшин, плачет «яростный поп», плачет и герой «Сокровенного рассказа» (1971): *«На словах “будто кто-то мне в кабацкой шумной драке саданул под сердце финский нож” Валерьян поднял кверху руку, резко опустил ее, уронил голову на грудь — заплакал. Плакал молча, морщился, крутил головой».* Но для Шукшина, пожалуй, важнее, что поп «загудел про клен заледенелый» «умно как-то».

Герой рассказа «Верую!» акцентирует — Есенин «любил и жалел» крестьянина. Это не случайная формулировка. В шукшинском мире «жалость» — категория наиважнейшая. В рассказе «Боря» (1973) Шукшин вступает по этому поводу в прямой спор с самым главным советским классиком Горьким: *«Зря все-таки воскликнули: “Не жалеть надо человека!..” Это тоже — от неловкой, весьма горделивой позы. Уважать — да. Только ведь уважение — это дело наживное, приходит с культурой. Жалость — это выше нас, мудрее наших библиотек... Мать — самое уважаемое, что ни есть в жизни, самое родное — вся состоит из жалости. Она любит свое дитя, уважает, ревнует, хочет ему добра — много всякого, но неизменно, всю жизнь — жалеет. Тут Природа распорядилась за нас. Отними-ка у нее жалость, оставь ей высшее образование, умение воспитывать, уважение... Оставь ей все, а отними жалость, и жизнь в три недели превратится во всесветный бардак».* Не жалеть, а уважать человека призывал в хрестоматийно известном монологе в пьесе «На дне» Сатин: *«Че-ло-век! Это — великолепно! Это звучит... гордо! Че-ло-век! Надо уважать человека! Не жалеть... не унижать его жалостью... уважать надо!»*

В философском споре о Человеке Шукшин, безусловно, на стороне Есенина, а не Горького. В ключевой сцене рассказа «Стёпка» (1964), так же как в «Боре», Шукшин сталкивает есенинскую «жальность» с горьковским «уважением»:

«Степан крепко припечатал кулак в столешницу.

— Ты меня не любишь, не жалеешь! — сказал он громко. — Я вас всех уважаю, черти драные! Я сильно без вас соскучился.

У порога, в табачном дыму, всхлинула гармонь — кто-то предусмотрительный смотался за гармонистом. Взревели... Песня погибла».

«Ты меня не любишь, не жалеешь» — точно процитированная строчка из стихотворения Есенина 1925 года. А фраза «Песня погибла» актуализирует горьковский контекст. В финале пьесы «На дне» Сатин воскликнет: «Эх... испортил песню... дурр-рак!» Тюремный опыт Степки уже не дает ему возможности ощутить единство с родным прежде миром. Некстати запекает он «трогательную песню тех мест, откуда только что прибыл», не чувствует, насколько неуместна подмена любви и жалости уважением.

Одна из главных особенностей восприятия Есенина Шукшиным заключается в том, что он для него человек близкий, родной, словно бы продолжающий жить где-то рядом. Это очень верно подметила Л.Н. Федосеева-Шукшина: «Он считал своим родным братом Есенина». Показательна надпись на титульном листе книги «Там, вдали» (1968), хранящейся в фондах Государственного музея-заповедника С.А. Есенина в селе Константиново: «В Дом-музей Сергея Есенина. Помним тебя. Любим. В. Шукшин. 1970 г.». Шукшин на «ты» с Сергеем Есениным и обращается к нему напрямую, без посредников. Биограф В. Коробов справедливо заметил: «Шукшин <...> безраздельно чтит, любил самой своей высокой любовью <...> — Сергея Есенина. Он ощущал его не просто близким и дорогим, а именно родным по духу».

Сближает Шукшина и Есенина, в первую очередь, конечно, единство темы — судьба деревни и русского крестьянства. Однако ситуация второй половины XX века, пожалуй, еще трагичнее, чем та, которую отразил в своем творчестве Есенин.

Одна из рабочих записей Шукшина 1970 года — это цитата из Есенина: «А Русь все так же будет жить: плясать и плакать под забором!» На этот раз Шукшин неточен. В стихотворении Есенина «Устал я жить в родном краю...» из сборника «Трерядница» (1920) эти строки выглядят так:

*А месяц будет плыть и плыть,
Роняя вёсла по озёрам,
И Русь все так же будет жить,
Плясать и плакать у забора.*

Сознательно ли Шукшин «исправил» Есенина, или перед нами просто ошибка памяти, но в любом случае замена «у забора» на «под забором» глубоко символична.